

Виды предательства

Рэндалл Н. Биллс

*Неподалеку от Дома Наследников
Город Капелла, планета Капелла
Капелланская Конфедерация
7 июля 2425 года*

Морозный зимний воздух впивался в кожу ледяными иглами. С стремительно упавшей ночью в северных широтах Капеллы, столь же быстро появляется и мороз, и былые иголки превращаются в бритвенной остроты клыки хищника, кромсающие кожу в извечной потребности холода уничтожать тепло.

Коллин съёжился в своей синтетической куртке, его впалые блестящие глаза пронзали ночь, подобно мощному радару, пытающемуся захватить цель, в то время как ожидая, он поглаживал правой рукой рукоятку из красного дерева. Тени лестничной площадки небольшого офисного здания укрывали его покровом невидимости – тьма защищает своих.

Стада гражданских с бараньими глазами перемещались в срежиссированной давке; переступая с ноги на ногу, кутаясь, устремляясь к выходу на лестницу, издавая вздохи облегчения по мере достижения цели. Затем снова давка – на два этажа вниз, и наконец, снова, назад в тепло, гримасы и дрожь сменяются нервными детскими смешками. Они вновь успешно избежали угрозу холода и ночных страхов.

Коллину было плевать на них.

Пожилая пара, выбредшая на улицу слева от него, привлекла его взгляд. Их счастливое воркование на фоне торопливых шагов и мрачного ворчания молодежи ранило его слух; пальцы правой руки продолжили поглаживать поверхность хорошо отполированного дерева, обретая уверенность. Маленькая собачка семенила у их ног, невзирая на полное отсутствие шерсти, холода она не ощущала и хотя Коллин считал подобного рода собак мерзостью – раз уж тебе хочется собаку, возьми себе настоящего пса, а не какую-то там крысу – но гордая поступь животного, поднятая голова, вызов, бросаемый ночи и тому, что она несет... да, это стоило одобрительного кивка, крыса там или нет.

«Может внутри неё тоже горит огонь, – ведущий её сквозь холод ночи, как и меня.»

По мере приближения вместе с облачками пара становились различными и слова.

– Но дорогой, канцлер должен же понимать... – произнесла пожилая женщина, возраст заставлял её голос подрагивать, но решимости не отнял.

Пожилой джентльмен, закутанный в длинное пальто и в шляпе, уже десятки лет как вышедшей из моды, повернул лицо с румяными, как у херувимчика, щеками к жене.

– Милая, только не начинай снова.

Невзирая на расстояние между ними, Коллин всё же заметил, как тот отвел глаза, невзирая на свой повышенный тон.

Он нервничал.

– Нечего меня затыкать. То, что он канцлер, не значит, что он не ошибается. Мы едва только покончили с окраинной войной, а теперь он оскорбляет Дом Мариков. Как может один человек наделать столько ошибок? Он что, хочет разрушить Конфедерацию?

– Ш-ш-ш... – шикнул муж, замахав руками как раз проходя мимо Коллина, поглядывая в сторону быстро идущих групп молодежи.

«Да, очень нервничает. Так и должно быть. Подобное неуважение к верховному канцлеру?»

Хотя губы Коллина не двинулись, отблеск улыбки промелькнул в его опасных глазах.

Внезапно почуяв присутствие Коллина, собака принялась громко лаять. Пожилая пара, которую отвлекли от разговора, глянула на собаку, затем в сторону Коллина. Они долгое время его не замечали, оперевшего в скрытом тенями дверном проеме. Коллин чуть шевельнулся, чтобы поторопить их, и они оба подскочили.

«Как и должно. Пусть Маскировка и не в фаворе, но подобные бунтарские разговоры не должны сходить с рук, фавор там или нет.»

Коллин глянул на собаку, и его взгляд скрестился с возбужденным и злобным собачьим. Тявканье как обрезало; псина прижала голову, поджала хвост и скромно спряталась за стариков.

Даже собаки понимают, когда лучше опустить взгляд.

Коллин вновь поднял взгляд, выискивая парочку, уставившуюся так, словно они увидели призрака. Уставившуюся так, словно он материализовался по вине их предательских слов, был порожден выдыхаемыми ими облачками дыхания в ледяном ночном воздухе.

Женщина оправилась первой (ещё бы) и вежливо склонила голову.

– Прошу прощения, молодой человек. Мы не думали вас здесь увидеть.

Она подождала, словно ожидая ответа, и нервно оглянулась на мужа, когда он не ответил.

– Ну, – старик, наконец, то подал звук. – Я... – начал было он, нервно оглянувшись на жену и снова повернулся назад, дернув за собачью цепь.
– Доброй вам ночи, сэр.

И оба заспешили прочь, тайком кося взглядами, пытаясь отследить, не последует ли он за ними, подсознательно подражая стадам более молодых, спешащим найти хоть какое-нибудь укрытие от порождений ночи.

Но спасения не было. Как всегда.

Коллин отбросил все эти мысли, подобно окурку, засунул руки глубже в просторные карманы куртки на меху, чувствуя увесистую тяжесть в своей правой ладони, и продолжил осматривать улицу. Он сомневался, что кто-либо заметил разговор, – если они испортят ему дело, у него найдется парочка недобрых слов, чтобы обменяться с ними позже.

И всё же, пока время шло своим ходом, зверский холод продолжал вонзать когти всё глубже в город, а люди мчались всё быстрее в поисках укрытия от холода, он размышлял над словами парочки. Он сознавал, что подобные разговоры велись на сотнях подобных же улочек, сотнях подобных же миров, среди тысяч других людей. И хотя Коллин не испытывал никаких сомнений, какие-то несколько слов, оброненные пожилой парой, подняли жар в груди, укрепили решимость.

«Нет, не все мы стадо. Не все ещё забыли наше величие и нами сделанное.»

Тихое насвистывание вывело его из задумчивости, совершенно немелодичный мотивчик, срывающийся с беспечных губ.

Взгляд Коллина скользнул в сторону звука. Человек средних лет без головного убора (до чего легкомысленно – он же простудится), богат, темно-зеленое пальто, чуть ли не метущее землю, подобно королевской мантии. Живая походка, голова высоко поднята, поступь легка. Как и на Коллина, мороз не производил на него никакого эффекта.

«Как и на собаку.»

Коллин улыбнулся. Как и с собакой, он ожидал, что мужчина, опустит глаза и подожмет хвост, защищая промежность, прежде чем всё закончится. Тем не менее, когда мужчина приблизился, легкий уважительный кивок стал кислой миной, растворившееся в океане отворачивания Коллина, всё разраставшегося и углублявшегося внутри него. Собака, в конце концов, подобной гордыней вредила только себе.

«А ты, собака, вредишь нам всем. Уничтожаешь нас.»

Мужчина просто прошел мимо.

Коллин покачал головой от такой заносчивости. Ни одного повторного взгляда? С другой стороны, Коллин знал, что тот будет один, по крайней мере сейчас, тенью следуя за мужчиной до самого Дома Наследников каждый четверг в одно и тоже время. Коллин не мог понять, как мужчина вообще прожил так долго. Предсказуемость, в конце кон-

цов, та же смерть. Не важно, в танке ты, или идешь пешком по улице собственного города – это так.

Подобно тени, отделившейся от стены, мрак выпустил его, и Коллин отделился от дверного проема, подстраивая поступь под звуки шагов своей цели, чтобы избежать обнаружения и оставаясь по-прежнему незаметным. Он сократил дистанцию до четырех размашистых шагов, выдергивая игольный пистолет. Рукоять красного дерева мрачно блеснула в сумерках, стоило ему направить оружие на голову жертвы.

Вероятно, почувствовав присутствие Коллина, мужчина дернул головой, чтобы глянуть через плечо, в то время как указательный палец Коллина скользнул по предохранительной скобе, лаская её.

Из всех эмоций, промелькнувших по лицу мужчины (удивление, шок, ужас), лишь одна отразилась в последнее выражение в жизни. Способный читать людей так же легко как утреннюю газету, взгляд человека выражал возмущение.

Да как ты смеешь? Да что я тебе сделал? Да я могу приказать испепелить целые миры!

Да ты вообще знаешь, кто я?!

Оружие, превосходно смазываемый и любовно ухоженный игольный пистолет KR-J, сработал так же безотказно, как и предыдущие восемьсот тринадцать раз, когда Коллин его использовал. Готовый к стрельбе боеприпас, расположенный в ручке, состоял из сложного полимера, расщепляемого при стрельбе на тоненькие иглы, пистолет тихо кашлянул (не громче подошвы шаркнувшей по асфальту), извергая иглы волной сжатого газа. Вылетая из пистолета, находящегося в каких-то сантиметрах, от левой щеки мужчины, они вспороли кожу с легкостью ножа мясника, разделяющего нежную телятину.

Твердые как сталь иглы превратили плоть в пюре, разрезая и кромсая её, буквально сорвав всю левую сторону лица, брызги горячей крови расцвели причудливыми фигурами пара на ледяном празднике холодной ночи.

Нос превратился в кровавые брызги. На столь малом расстоянии от лица сила взрыва направила плотный поток игл прямо в скулу, источив её подобно мгновенной лейкемии. Кость сложилась внутри под действием массы и инерции.

Но огонек жизни уже покинул тело. С головой, повернутой чуть назад в попытке оглянуться через плечо, левая глазница предоставила прямой маршрут к лобной доле. Из ствола, нацеленного прямо в левое глазное яблоко, большинство игл превратило глаз в кашу и вихрем ворвались в мозг, разрывая и изничтожая синапсы сотнями смертоносных уколов.

Голова мужчины дернулась назад, и он рухнул на землю грудой бесполезной уже плоти.

Спрятав к этому моменту оружие, Коллин схватил подготовленную заранее водосточную решетку, вмонтированную неподалеку от тела,

и рывком отвалил её, игнорируя примерзающую к ледяному металлу кожу пальцев.

– Конечно, я знаю, кто ты, – сказал он. Хотя и шепотом, лишь для его собственных ушей и ушей мертвеца, годы ненависти выплеснулись наружу, ненависти, вызванной поступками мужчины, бури ярости и отчаяния, при виде того, как тот низлагает и распродает их величие.

Яростно, несколько раз подряд, Коллин пнул тело, посылая его кубарем в клоаку.

Он помедлил мгновение, смотря, как тело исчезает в брызгах нечистот и помоев, после чего кинул тяжелую металлическую решетку на место. Встал, глубоко вдыхая воздух, словно ножом колющий легкие – резкая боль, принесшая с собою покой и ясность. Невзирая на все его старания, Коллин знал, что наряд прибудет за ним с минуты на минуту. Знал, что в истории, ими распространенной, он станет дюжиной воинов, пробившимися сквозь вооруженную стражу, доблестно сражавшуюся защищая его жизнь... знал, что это и будет версией, которая войдет в историю, даже если учебники вообще сохранят имя Коллина.

Но ему было плевать. Он прикончил собаку, а тело они никогда не найдут. Его не похоронят с теми, кто заслужил поклонение народа.

Он огляделся по сторонам и ничем не примечательные черты его лица расплылись в первой неподдельной улыбке за целое десяток лет под отряды солдат, начавших появляться в ночи, под крики «стой!» и «ложись!», сотрясающие разреженный воздух. Небрежно он преклонил колени и лег плашмя на канализационную решетку.

Он надеялся лишь, что горцам не придется расплачиваться за его действия. С другой стороны не все подобные поступки являлись предательством, временами нужно, чтобы кто-нибудь всё-таки вмешался. Чтобы кто-то снова навел порядок.

Он улыбнулся вновь, когда тяжелое колено врезалось ему в почки, и холодное дуло воткнулось в волосы на затылке, пока сильные руки заламывали его руки за спину, сковывая наручниками.

Смех забурился внутри него, после чего пронзил ночь, накладываясь на топот бесчисленных сапог.

«Вот тебе надгробье – мы не скот, чтобы слепо идти за тобой.

Прощай, канцлер.»